

Натиг Расулзаде

Золотая
монета

Натиг Расулзаде
Золотая монета

«PEN-клуб»

Расулзаде Н.

Золотая монета / Н. Расулзаде — «PEN-клуб»,

Полуфантастическая история о бедном молодом сапожнике и его юной жене – беженцах, покинувших свои родные места. Он горячо любит свою жену и старается заменить ей её погибших родителей и по мере сил делать её жизнь радостной. Но вот ему достается (скорее всего, из рук дьявола) золотая монета, которая переворачивает всю его жизнь, делает его другим человеком – жадным, подозрительным, готовым на любое преступление ради наживы.

© Расулзаде Н.

© PEN-клуб

Натиг Расулзаде

Золотая монета

– Готовься, – сказал он. – К концу недели возьму тебя на бульвар.

– Правда?! – она просияла, счастливая, постоянно по-детски озабоченное лицо ее разгладилось, губы обнажили ряд великолепных блестящих зубов, румянец наплыл на щеки, глаза пылали радостью, будто он Бог весть что пообещал ей, и он с щемящим сердцем подумал, как мало ей надо, как мало она просит, почти ничего, и как мало из этого малого он дает ей. – Но ведь... А как же твоя работа? Ты не будешь занят в конце недели?

– Один день можно и отдохнуть, – сказал он тоже улыбаясь, ее радостное настроение передалось ему, она умела это, это был, пожалуй дар у нее – она заражала радостью и весельем, несмотря ни на что, окружающих ее людей. – Раз в месяц – это не так уж много, а?

– Да, – сказала она. – Ты прав, – она всегда так говорила, когда соглашалась с ним: «Ты прав», понимая, что это придает ему уверенности в его намерениях.

Она подошла к нему и он обнял ее.

– Подышим свежим воздухом, – буднично сказал он. – Тебе сейчас необходим свежий воздух.

– Да, – безропотно согласилась она. – Тебе тоже.

– А мне зачем? – горделиво выпятил он грудь, продолжая обнимать ее. – Лично я могу дышать чем угодно...

– Ты не представляешь, – часто говорила она. – Малышка только внутри меня, а я уже чувствую себя мамой, так хочется, чтобы она поскорее родилась, прижать бы ее к груди, кормить ее моим молоком, целовать ее попку... Боже, я во сне ее вижу... Сегодня видела, что ей уже три годика...

– Я в сотый раз все это слышу, – ворчал он шутливо-недовольным тоном.

– Ты просто ревнуешь, – говорила она. – Ведь тебе никогда не испытать, что значит быть матерью.

– Ну, надеюсь, что никогда.

Она смеялась, целовала его в небритую щеку, говорила:

– Мне кажется, когда, дай Аллах, дай Аллах, родится малышка, я буду любить тебя еще больше.

– А малышку?

– И малышку еще больше.

– Как это можно?

– Можно. Это такое чувство, волшебное чувство, чем больше его третишь, тем больше остается.

– Иногда мне с трудом верится, что тебе всего лишь девятнадцать.

– Скоро двадцать... Как много мне лет, Боже!

– Теперь поверил, что тебе скоро двадцать.

Они поженились год назад, ждали ребенка, ей было девятнадцать и сама она была еще похожа на ребенка, жили они в самом убогом районе города, который городскими жителями был назван «Нахалстроем», что соответствовало действительности, так как в этом месте лачуги были выстроены именно нахально без всякого на то разрешения и территория эта была для городской мэрии, как бельмо на глазу. У него была маленькая сапожная мастерская в одном из подъездов, под лестницей старого семиэтажного дома, и от их жилища до его места работы путь был неблизкий, приходилось вставать очень рано и ехать туда с двумя пересадками на автобусе. Но публика здесь была подходящая – люди в этом и соседних домах жили далеко не богатые, даже, можно сказать, бедные, дотягивающие от зарплаты до зарплаты, которая никак

не могла угнаться за инфляцией, труженики жили, такие же как и он, сапожник, и часто приносили ему свою изношенную обувь, не будучи в состоянии купить новую. И в работе у него не было недостатка, работой, можно сказать, он был завален, все спорилось в его руках, и брал он за свой труд более чем умеренную плату, не жадничая, понимая, что количеством наверстает необходимый для маленькой его семьи заработок. И все были довольны, но, конечно попадались и такие, которые несмотря на низкие цены, что просил за свою работу сапожник, все-таки торговались, желая снизить эту цену, и во многих случаях он уступал, если дело касалось только его труда, а не материала, за который он тоже, разумеется, платил деньги и никто ему даром этот материал не собирался давать. Труда он не жалел, он был молод, полон сил и надежд на будущее, дома ждала его молодая, верная жена, оба они ждали своего первенца, что еще нужно человеку? И выполняя различные мелкие ремонтные работы, он старался раз от разу делать это все более добротнее, качественно, чтобы люди оставались довольны, чтобы не ругали и не проклинали его за халтурку, и потому клиентов у него становилось тут все больше и больше. Работал он до позднего вечера, потом запирали мастерскую, заходил рядом в магазинчик, круглосуточно открытый для жильцов этого дома во дворе, покупал продукты на завтрашний день, и с продуктами отправлялся домой, заранее радуясь встрече с женой так, будто не видел ее целую вечность.

На вырученные деньги он ухитрялся покупать ей какое-нибудь лакомство – пирожное, кусочек пирога, конфеты, орешки в меду, которые она так любила, и она часто укоряла его за лишние траты.

– Ну зачем это? – деланно возмущалась она. – Я же не ребенок. Мне не нужны лакомства. Ох, ты такой транжира...

Потом после ужина он с удовольствием смотрел, как она ела это самое лакомство, как ребенок, жмурясь от удовольствия, и, замечая его взгляд на себе, радостно улыбаясь ему, и предлагая отведать кусочек на протянутой ладони. Конечно, окружение их в том районе, где они обитали, мягко говоря, оставляло желать лучшего, близкие и дальние соседи, проживавшие в примерно таких же лачугах, как у них, в полуразвалившихся домишках, крытых ржавыми листами жести, с общим туалетом во дворе и непролазной грязью на улице осенью и зимой, почти каждый вечер скандалили, мужья часто возвращались домой пьяные, избивали жен, или же бывало и наоборот – жены избивали пьяных сожителей за то, что ничего не приносит домой, дети орали, пищали, бывали и криминальные проблемы, нанесение ножевых ран и прочее, когда появлялась полицейская машина и виновного увозили, а потом несколько дней вызывали в полицию то одного, то другого из ближних соседей для дачи показаний, всякое бывало, но эти двое-молодые супруги выделялись на общем фоне, были как цветы в куче мусора, среди разросшегося бурьяна, они никого не замечали вокруг, так были наполнены друг другом, ничто грязное, непотребное, что взрывалось и произрастало бурно и незаконно кругом, не могло пристать к ним.

Так проходило время, и жена его уже была на пятом месяце беременности, когда вдруг над его головой разразилась гроза – в один прекрасный дождливый грустный день, когда тянет на воспоминания старых людей, а молодых – просто бесцельно пройтись под накрапывающим дождиком, к нему в будку-мастерскую вошли двое представителей районного исполнительного комитета, показали предписание и велели освободить площадь под лестницей.

– Как же так? – наивно удивился он. – Я же платил вашим за это место, платил участковому, даже пожарникам, хотя тут нечему гореть, платил санэпидемстанции, я еще даже не отработал эти деньги...

– Нас это не касается, есть распоряжение главы райисполкома – в течении трех дней освободить площадь, занимаемую вами под сапожную мастерскую, – сказали ему и предупредили. – В противном случае вами займется полиция...

– Которой я тоже платил... – напомнил он.

– Нас это не касается, – сказали двое, и он только теперь, оглушенный сообщением, внимательно поглядел на их лица – они были похожи, как близнецы, и даже говорили разом, потом посмотрят друг на друга, запнувшись, и кто-то один из них доканчивал фразу, это и побудило сапожника внимательно посмотреть на их лица, и тогда его поразило, что у них обоих были птичьи глаза, совершенно бессмысленные, как две пуговицы, только у одного серые пуговицы, а у другого черные, как ночь без звезд.

Жена дома утешала его, как могла.

– Не связывайся с ними, – говорила она. – Накличешь беду.

Он послушал ее и отказался от мастерской, от суда, который вытянул бы из него жилы, хотя они практически оставались без средств, он не успел еще ничего накопить, на что можно было бы прожить хоть какое-то короткое время.

– Я пойду работать, – сказала она. – А что? Я слава Богу, прекрасно себя чувствую, хорошо переношу свое состояние, где-нибудь, наверное, можно будет устроиться.

Хотя бы уборщицей... Вон сколько объявлений дают, столько новых домов, в них живут богатые люди, им нужно делать уборку в квартире...

– Не говори глупостей, – сказал он, обнимая и глядя ее по животу. – У нас будет сын.

– Или дочь, – сказала она. – Я ей и имя придумала.

– Все благо, что бы ни дал Аллах – все благо, – сказал он.

Конечно, он мог бы, как и многие такие же беженцы, не работать, не искать работу, и попытаться прожить вместе с женой на пособие, полагавшееся беженцам, но он был молод, энергичен, деятелен, хотел работать, зарабатывать, чтобы жена могла гордиться им, и когда он приносил ей деньги, заработанные за день, и она с деловым видом прятала их на полке шкафа под чистым бельем, как будто это было Бог весть какое надежное место и озабоченно морщила свой чистый детский лобик, прикидывая, что в первую очередь необходимо будет купить на эти деньги завтра, сердце его обливалось горячей волной радости. А что такое пособие? Конечно, оно необходимо, раз правительство, столько умных людей решили давать его беженцам, ведь и работа на улице не валется, но сидеть, бездействовать и ждать пособия, или гуманитарной помощи, приносить в дом незаработанные деньги и продукты, нет, это не для него, он не инвалид и будет работать, он найдет, что делать.

– Да, – сказала она. – Ты прав.

Ей было три года, ему – двенадцать, когда на маленький их городок обрушилась большая беда, город был сметен войной, убиты и ранены сотни людей, и... дети, дети, дети! Трупы детей, которые потом много раз показывало телевидение равнодушному миру. У нее осталась в живых мать, у него погибла вся семья. Им чудом удалось бежать из этого ада и спастись, война превратила их жизнь, жизнь мирных людей в кошмар, перевернула всю их прежнюю жизнь, их планы, надежды, мечты, как выворачивают наизнанку перчатку, обнаруживая ее неприглядную внутреннюю сторону. Что-то дьявольское было во всем этом. Четыре года они жили в большом городе, в палаточном городке для беженцев, зимой трясась от холода, летом изнывая от жары, и тут новое несчастье обрушилось на них – умерла мать девочки. Соседки в палаточном городке помогали семилетней девочке, но своих забот им хватало с лихвой, и шестнадцатилетний парнишка стал ей отцом, матерью, братом. Надо было работать, он уже заканчивал школу, но не мог бездействовать, не в его характере было сидеть сложа руки. Он, мальчик общительный и добрый, познакомился случайно со старым сапожником и научился у него его ремеслу, как уверял старик – «всегда нужному, пока у людей есть ноги» – мальчик схватывал на лету, быстро осваивал тонкости этой работы, руки его оказались руками настоящего мастера, труженика, всякая работа давалась ему легко и весело, и старый сапожник с удовольствием следил за его успехами и все чаще доверял ему серьезную, относительно дорогую работу, а потом и вовсе передал ему свою мастерскую под лестничной площадкой на первом этаже семиэтажного

дома, оформили все бумаги, честь-честью, и стал он зарабатывать и школу не забывал, окончил, и за девочкой следил, чтобы хорошо училась; по вечерам усталый после рабочего дня, но готовый служить ей, помочь ей, объяснял математику, физику, в которых она была слаба, толковал ей доходчиво, не в школьно-скучной форме, а с шутками, примерами из окружающих их предметов. А когда исполнилось ей восемнадцать, женился на ней. Стоит ли говорить, что она никого из мальчиков, парней, мужчин не замечала вокруг, кроме него, так же как и для него существовала только она, его девушка, его женщина, его любимая, ради благополучия которой он готов был пожертвовать собой. Была она красива и нежна, и нежная внешность ее никак не вязалась с окружающей их действительностью и нелегкой, сиротской жизнью, но, видимо, он хорошо о ней заботился, да, так оно и было, он изо всех сил старался, чтобы в первую очередь она хорошо питалась, всю почти гуманитарную помощь и пособие тратил на нее, да и зарабатывать теперь старался больше, чтобы она ни в чем не нуждалась, баловал порой, когда появлялась возможность, покупая ей обновки, фрукты, сладости, которые она очень любила. Вскоре они покинули палаточный городок, в котором многие мужчины были безработными и уже привыкали к своему иждивенческому положению, и порой посматривали на него косо, как на отбившегося от стаи, и переселились в этот район, называемый «Нахалстроем», но и тут публика была не лучше, ну Бог с ней, какая есть, они все равно мало что замечали вокруг, кроме самих себя, ей нужен был только он, ему – только она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.